Михаил Дорогов

«с Былдажилом он дружил»

ЯН САТУНОВСКИЙ И ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ — СЛУЧАЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРОТЕКЦИИ[1]

Mikhail Dorogov

«s Byldazhilom on druzhil»: Yan Satunovsky and Viktor Shklovsky — A Case of Literary Patronage

Михаил Дорогов
НИУ ВШЭ СПб, Школа гуманитарных наук и искусств, магистрант, стажер-исследователь
mkdorogov@edu.hse.ru.

Ключевые слова: Лианозово, Второй авангард, неофициальная литература, литературная стратегия, литературная протекция, переписка

УДК: 882
DOI: 10.53953/08696365_2026_201_5_100

Публикация переписки Виктора Шкловского и Яна Сатуновского раскрывает один из ключевых эпизодов биографии поэта — попытку интеграции в официальную советскую литературу через механизм литературной протекции. Рассмотрение этого эпизода особенно важно на фоне скудного биографического материала о Сатуновском. В публикации рассматривается репертуар практик протекции в отношениях неофициального поэта и «разрешенного» авангардиста: наделение символическим капиталом через соавторство, рекомендацию, рецензирование и написание предисловия.

Mikhail Dorogov
HSE University, St. Petersburg, School of Humanities and Arts, Master's student, Research Intern
mkdorogov@edu.hse.ru

Keywords: Lianozovo, Second Avant-Garde, unofficial literature, literary strategy, literary patronage, correspondence

UDC: 882
DOI: 10.53953/08696365_2026_201_5_100

The publication of the correspondence between Viktor Shklovsky and Yan Satunovsky reveals one of the key episodes in the poet's biography — his attempt to integrate into official Soviet literature through the mechanism of literary patronage. Examining this episode is particularly important given the very scarce biographical material available on Satunovsky. This article examines the range of patronage practices in the relationship between an unofficial poet and an «approved» avant-garde writer: the conferral of symbolic capital through co-authorship, recommendations, reviews, and the writing of a foreword.

Протежирование — один из естественных механизмов развития литературного процесса, особенно важный в строго иерархизированных культурных системах, таких как, например, позднесоветская. В биографиях многих советских писателей мы находим фигуру старшего влиятельного коллеги, который своей рекомендацией и сетью знакомств способствует первым публикациям, в обмен на что обретает символический капитал «учителя», «наставника», проводящего неофита через фигуру инициации. Особый интерес представляют примеры того, как к таким патронирующим фигурам обращаются авторы, чьи эстетические практики несводимы к рамкам дозволенного в печати, — те, кто в итоге составил ядро неофициальной культуры. Проблема невозможности реализации в официальной советской литературе закономерно приводит андеграундных писателей к освоению «второй профессии» и смещению фокуса

1 Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-031).

литературного быта с редакции на квартиру. Изучение внутренних механизмов советской литературы, практик протекций и эпизодов «бэкстейджа»[2] необходимо для реконструкции способов интеграции в советскую литературу и определения границы «официальной» и «неофициальной» культуры этого периода. Так, например, Виктор Соснора пользуется протекцией Николая Асеева[3]; исключительным примером становится знакомство Иосифа Бродского с Анной Ахматовой[4]. В настоящей заметке будет рассмотрен механизм такой протекции на примере биографии Яна Сатуновского (1913–1982)[5].

Ян (Яков Абрамович) Сатуновский — неофициальный поэт, о поэтической реализации которого принято говорить в контексте круга «Лианозовской школы» (с ее участниками он познакомился в 1961 году). Однако его литературная биография началась значительно раньше. Будучи химиком по образованию, со студенческих лет и до конца Великой Отечественной войны он был активно погружен в журналистскую жизнь. Сатуновский вел сатирические колонки в днепропетровской газете «Звезда» и в армейской газете «Патриот Родины». Во время обучения в Москве с 1927 по 1931 годы он познакомился с кругом поэтов-конструктивистов ЛЦК, вероятно, способствовавшим влиянию авангарда на его поэтику. В начале 1960-х годов поэт вошел в лианозовский круг и стал частью неофициальной литературной жизни, большинство участников которой было младше него. Если Евгений Кропивницкий, в молодости близкий к символистам, осознается участниками как «учитель», то Сатуновский чаще выступает в роли «старшего товарища».

В исследовательской литературе доминирует мнение, что Сатуновский избрал стратегию затворника, игнорирующего официальную литературу и пишущего для узкого круга друзей[6]. Однако при ближайшем рассмотрении биографии автора становится ясно, что на протяжении всей жизни он разными

---

2 Здесь и далее термин «бэкстейдж» употребляется в значении Ильи Кукулина, Марии Майофис и Марии Четвериковой: «Мы понимаем под бэкстейджами особого типа коммуникативные эпизоды, во время которых участники обсуждают существующие нормы функционирования литературного сообщества и его институтов — почти всегда неписаные — и возможности эти нормы изменить или обойти» (*Кукулин И., Майофис М., Четверикова М.* Кулуарные импровизации: социальная кооперация, обход правил и процессы культурного производства в позднем СССР. Статья вторая // Новое литературное обозрение. 2022. № 175. С. 86).

3 *Соснора В.* Письма Николая Асеева к Виктору Сосноре // Звезда. 1998. № 7. С. 114–126.

4 Логика этой протекции подробно описана в: *Морев Г.* Иосиф Бродский. Годы в СССР. Литературная биография. М.: Новое литературное обозрение, 2025. С. 28–64.

5 Основные сведения о его биографии см. в: *Зыкова Г., Пенская Е.* Ян Сатуновский: материалы к изучению творчества и литературного контекста // «Лианозовская школа»: между барачной поэзией и русским конкретизмом / Под ред. Г. Зыковой, В. Кулакова, М. Павловца. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 593–624; *Бурков О.* Ян Сатуновский: Попытка биографии // «ImWerden»: Электронная библиотека Андрея Никитина-Перенского. 2009 (URL: https://imwerden.de/publ-1881); *Ахметьев И.* Из архива Я.А. Сатуновского // Wiener Slawistischer Almanach. 2025. № 95. P. 311–339.

6 *Maurizio M.* Between Modernism and the Underground During the Thaw: A Look at «Transitional Poets» // The Oxford Handbook of Soviet Underground Culture. Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 123; *Кукулин И.* Два рождения неподцензурной литературы // Кукулин И. Прорыв к невозможной связи: Статьи о русской поэзии. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2019. С. 35.

способами стремился к публикации как своих «взрослых», так и «детских» стихов. Сатуновский стремился выйти в печать в любом формате авторского высказывания: от поэзии, прозы, драматургии и переводов до литературоведения и фольклористики.

В редакторском портфеле журнала «Знамя» за 1954 год сохранилась его поэтическая подборка[7] с намеренно упрощенной строфикой относительно основной редакции, оставшейся в бумагах автора. В те же годы он написал научно-фантастический рассказ «Измеритель гениальности»[8] и производственную комедию «Скверная девчонка»[9], связанную с работой автора в химической промышленности, но все эти попытки напечататься остались безрезультатными. В личном архиве Сатуновского[10] сохранились отказы из журналов «Знамя», «Новый мир», «Вожатый», «Юность». Все это не могло не провоцировать кризис идентичности, необходимость в поэтической валидации. В пятидесятые годы Сатуновский находится в абсурдном положении начинающего автора сорока лет. На эту ситуацию накладывается не менее парадоксальное сочетание репутации поэта-фронтовика[11] — конвенциональной фигуры для советского контекста — с авангардной поэзией, не вписывающейся в этот образ. В 1969 году в письме поэту Евгению Долматовскому — сослуживцу Сатуновского — он пишет о своей послевоенной жизни: «Взрослые стихи печатать после войны не удавалось, получал лишь рецензии от слицаземлистирающих...»[12]

Сатуновский активно искал общения с представителями советского авангарда в 1960-е годы. Он отправил письмо Сергею Боброву с комплиментарным отзывом на его повесть «Мальчик», которая, вероятно, пострадала от редакционного вмешательства. Сатуновский выражает готовность отстаивать книгу перед редактором, завершая комплиментарное письмо фразой: «Сообщаю свой адрес на тот случай, если Вы захотите показать это письмо в издательстве»[13]. В это же время поэт пытался восстановить довоенные связи с Ильей Сельвинским, а также познакомился с Алексеем Крученых. О последнем знакомстве пишет Геннадий Айги:

> Алексей Крученых терпеть не мог современных поэтов, точнее — почти никого из них для него не существовало. Однажды Сатуновский позвонил незнавшему его Крученых, и, ничего не объясняя, начал читать свои стихи. Крученых молча слушал. В какой-то момент Яков Абрамович остановился. «Дальше, читайте дальше», — потребовал Крученых. Когда чтение прекратилось, Крученых сказал: «Где вы находитесь? Мой адрес знаете? Сейчас же приезжайте». Пожалуй, это

---

7 РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 14. Ед. хр. 120.

8 Несколько редакций рассказа с названиями «Гениемер стрелочный» и «Измеритель гениальности» сохранились в личном архиве автора.

9 Другое название «Случай из жизни». См.: *Сатуновский Я.* Скверная девчонка // Театр. 2011. № 11–12. С. 201–223.

10 В статье обширно используются материалы личного архива поэта, который до последнего момента не был доступен исследователям. Мы благодарим наследников Сатуновского за разрешение работать с этими материалами и Ивана Ахметьева, благодаря любезному участию которого наш проект стал возможен.

11 Так, в рекомендательной записке Самуил Маршак пишет: «Я знаком с творчеством поэта-фронтовика Якова Абрамовича Сатуновского» (домашний архив Яна Сатуновского).

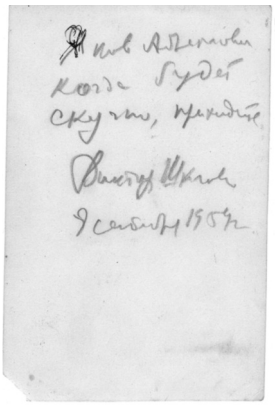
12 РГАЛИ. Ф. 1864. Оп. 2. Ед. хр. 444.

13 РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 594. Л. 2.

был один из уникальных случаев, когда Крученых признал поэта как своего, идущего от линии Маяковского, Каменского, Хлебникова[14].

Однако самое тесное литературное знакомство Сатуновскому удалось установить с наиболее «разрешенным» авангардистом — Виктором Шкловским, связь с которым оказалась важна для него как с точки зрения валидации в литературной среде, так и в символическом значении связи с авангардной традицией. Сатуновский описал цепочку знакомств, приведшую его к Шкловскому, в письме к Владимиру Лапину от 4 ноября 1964 года:

> После войны, еще не демобилизовавшись, читал в Праге в отеле «Алкрон» свои стихи Эренбургу. Ему они понравились (не знаю, помнит ли меня еще Илья Григорьевич, вряд ли), и он посоветовал мне обратиться в Москве к Шкловскому. Виктор Борисович принял меня, как сына (его сына убили на войне), кормил, писал рекомендательные письма в разные редакции, устроил на работу в «Знание — сила», что, может быть, спасло меня от голодной смерти (я ведь жил не только без денег, но и без «литеров» — послевоенных заборных книжек). При всем при том я не уверен, что Виктор Борисович знает мою фамилию — тогда я был «офицер из Праги», потом стал «инженер из Электростали». Он любил слушать мои стихи и хвалил их. Понравились мои стихи и Маршаку, у меня сохранилось его рекомендательное письмо в группком[15] с очень лестным отзывом[16].



Илл. 1. Фотография Шкловского с дарственной надписью: «Яков Абрамович когда будет скучно, приходите. Виктор Шкловский. 9 сентября 1954 г.». Домашний архив Я. Сатуновского.

---

14 *Айги Г.* «Летопись всей нашей жизни». О поэзии Яна Сатуновского // Сатуновский Я. Рубленая проза. М., Минск: Verlag Otto Sanger in Kommission, 1994. С. 308. Известна заметка Сатуновского о посещении Крученых с Владимиром Глоцером и написанное об этом стихотворение: *Сатуновский Я.* О посещении Крученых / Публ. Л. Сатуновского // «ImWerden»: Электронная библиотека Андрея Никитина-Перенского (URL: https://imwerden.de/publ-2072).

15 В домашнем архиве Сатуновского осталась рекомендация в группком драматургов от 3 июня 1946 года, подписанная ответственным секретарем журнала «Крокодил» Е. Весениным от лица редакции.

16 Домашний электронный архив Владимира Орлова. Схожая цепочка описана и в мемуарах брата поэта: «Он [Илья Эренбург] написал рекомендательную записку в Москву, — Маршаку, с этой запиской Маршак переправил брата к Шкловскому. Виктор

Сатуновский записывал за Шкловским отдельные фразы, писал стихи под впечатлением от походов к нему в гости или от чтения его сочинений — причем не только популярных книг вроде «Zoo», но и весьма маргинальных работ типа вольного перевода Шкловским «Слов назидания» Абая Кунанбаева[17]. В начале знакомства Шкловский помогает Сатуновскому устроиться в журнал «Знание — сила». Приблизительно датировать начало их общения помогает стихотворение Сатуновского «Я не хочу всё знать...», датированное 1946 годом. В списках этого стихотворения поэт отмечает: «С посещением Шкловского и с его попыткой устроить меня в журнал “Знание — сила” связан № 63»[18].

Спустя пять лет Шкловский пишет в соавторстве с Сатуновским научно-популярную статью «Изобретатель Павел Зарубин», опубликованную в третьем номер журнала «Техника — молодежи» за 1951 год. Статья рассказывает о сложной судьбе «народного» изобретателя-самоучки Павла Зарубина, прошедшего путь от крепостного до коллежского регистратора, создавшего многие изобретения и занимавшегося литературой. Судьба Зарубина описывается трагически: «Вот что получил этот крупный человек за свою работу: 10 лет службы без жалованья, 5 лет службы с жалованьем 180 рублей в год и два года службы с жалованьем 480 рублей в год»[19]. Авторы пишут, что большинство изобретений Зарубина не были запатентованы и впоследствии были утрачены, проект водоподъемника был реализован парижским инженером Брюссаном, решение издать его труды и составить биографию не было претворено в жизнь, а медаль в его память была присуждена лишь единожды. На первый взгляд, статья выглядит сугубо конъюнктурной на фоне кампании по борьбе с космополитизмом: ее тематика органично вписывается в общий нарратив, ориентированный на утверждение русской культурной национальной специфики, описанный Евгением Добренко:

> 1949–1950 годы стали ключевыми в формировании советского патриотического нарратива, основанного на повторяющемся мотиве: русские сделали открытие — европейцы/американцы его украли и присвоили себе. Этот дискурс был воплощенным синтезом комплекса неполноценности и комплекса превосходства и оказался политически весьма эффективным, поскольку одновременно утверждал мнимое величие и объяснял реальную отсталость России[20].

В том же 1951 году, когда вышла соавторская статья с Сатуновским, Шкловский отдал дань такого рода конъюнктуре в своей художественной книге «О мастерах старинных», также посвященной отечественным изобретателям (в данном случае — оружия) и борьбе с западными инженерами. Но считать заметку

Борисович принял его весьма благосклонно, помог устроиться в какой-то журнал, затем всю жизнь приглашал его к себе, слушал новые стихи брата, подолгу беседовал с ним о жизни и даже написал в “Литературной газете” хвалебную рецензию на его детские книжки, пытался чем-нибудь помочь брату» (*Сатуновский П.* Гвардии рядовой. М.: Кинофорум, 2006. С. 57).

17 См.: *Сатуновский Я.* Стихи и проза к стихам. М.: Виртуальная галерея, 2012; по указателю.

18 Там же. С. 630.

19 *Сатуновский Я., Шкловский В.* Изобретатель Павел Зарубин // Техника — молодежи. 1951. № 3. С. 35.

20 *Добренко Е.* Поздний сталинизм: эстетика политики. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 145.

о Зарубине исключительно халтурой или поденщиной нам кажется не вполне корректно, по крайней мере для Сатуновского. С одной стороны, публикация в соавторстве со столь символически значимым для поэта автором уже выходит за рамки ординарных событий. С другой стороны, многие аспекты судьбы Зарубина рифмуются с биографией самого Сатуновского, также обойденного вниманием, например в ситуации исключения из списка на Сталинскую премию, на которую автор реагирует пьесой «Скверная девчонка». Будучи поэтом, художником, эрудитом и полиглотом с техническим образованием из провинции, как и Зарубин, он почти не получает валидации в официальной среде. За год до дебюта в детской литературе, в 1967-м, Сатуновский пишет стихотворение, начинающееся строками:

Хочу ли я посмертной славы?
Ха,
а какой же мне еще хотеть![21]

Статья же заканчивается абзацем о невозможности достойного признания таланта в царской России: «Только в нашей Советской стране, где осуществлено право человека на творчество, имя Зарубина нашло заслуженное им признание»[22]. Вероятно, в ней можно считать эзопову иронию или же надежду поэта.

В домашнем архиве Сатуновского также сохранился титульный лист машинописи, озаглавленный «Павел Зарубин — человек труда и науки (Жизнь изобретателя-самоучки)» с обильными правками рукой поэта. Текст тематически совпадает со статьей из «Техники — молодежи», однако вставленный в машинопись эпиграф взят из доклада П.Л. Капицы «Научная деятельность Вениамина Франклина», прочитанного и затем опубликованного в 1956 году[23], то есть на пять лет позже очерка Сатуновского и Шкловского. Более того, в тексте упоминается тридцатый том собрания сочинений Максима Горького, вышедший лишь в 1955 году. Из этого можно сделать вывод, что перед нами, вероятнее всего, проект несостоявшегося расширенного переиздания очерка, который мог планироваться для публикации в тематическом сборнике или энциклопедии.

В, казалось бы, незначительной заметке о Зарубине можно увидеть форму протекции через соавторство: Сатуновский не просто попадает в печать, но и приобретает часть символического капитала Шкловского (не говоря уже и о предполагающейся финансовой выгоде, благодаря публикации с высокооплачиваемым соавтором).

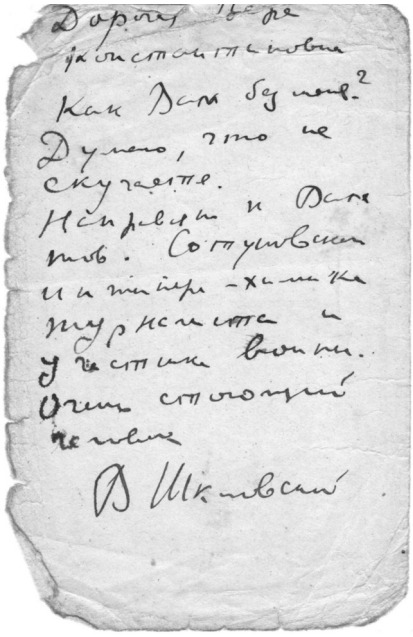
Другой формой протекции Шкловского можно считать рекомендательные записки, которыми он одаривал своего подопечного, три из них сохранились в домашнем архиве Сатуновского — эти лаконичные документы позволяют реконструировать поле интересов входящего в официальную литературу писателя, а также круг влияния самого Шкловского. Первая из записок гласит:

---

21 *Сатуновский Я.* Стихи и проза к стихам. С. 221.

22 *Сатуновский Я., Шкловский В.* Изобретатель Павел Зарубин. С. 36.

23 *Капица П.* Научная деятельность Вениамина Франклина // Успехи физических наук. 1956. Т. LVIII. Вып. 2. С. 169–182.



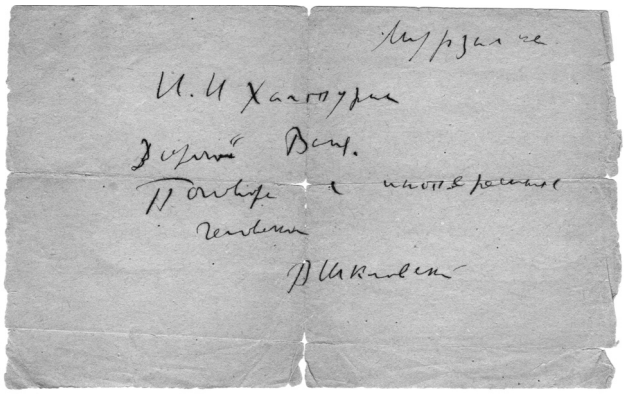
Илл. 2. Рекомендательная записка Шкловского к В.К. Белоконь. Домашний архив Я. Сатуновского.

Дорогая Вера Константиновна
Как Вам без меня?
Думаю, что не скучаете.
Направляю к Вам тов. Сатуновского, инженера-химика, журналиста и участника войны. Очень стоющий человек.

Ее адресат — Вера Константиновна Белоконь, заведующая редакцией журнала «Новый мир». Учитывая, что в записке Сатуновский представлен как «инженер-химик, журналист и участник войны», можно предположить, что она относится ко второй половине 1940-х годов. Напечататься в журнале поэту не удалось[24].

Вторая записка выглядит еще лаконичнее:

Мурзилка
И.И. Халтурин.
Дорогой Ваня.
Поговори с интересным человеком



Илл. 3. Записка Шкловского к И.И. Халтурину. Домашний архив Я. Сатуновского.

Она направлена редактору «Мурзилки» и других детских журналов, другу Шкловского Ивану Халтурину. В своих мемуарах Шкловский вспоминает, что

24 Стоит отметить, что со слов Всеволода Некрасова известно о еще одной попытке напечататься в «Новом мире» около 1968 года, когда Сатуновский уже выпустил первую детскую книгу, см.: «Живем словом». Всеволод Некрасов в письмах и воспоминаниях / Сост. и отв. ред. Г.В. Зыкова, Е.Н. Пенская. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. С. 42. Эта неудача вызвала язвительную эпиграмму Сатуновского «Снабженцу, исполняющему обязанности литератора».

они с Халтуриным делили дежурства во время войны: «Нам вручили свежие, еще не обтесанные деревянные лопаты — засыпать песком “зажигалки”. Самолеты пикировали, висели лампы, падали “зажигалки” с красным светом, сбрасывали мы их вниз. Хорошо работал с “зажигалками” Иван Халтурин, потом его ранили на фронте»[25]. Сам Халтурин писал в автобиографии:

> После ранения в конце 1942 был демобилизован и назначен зам. ответственного редактора журнала «Дружные ребята», а затем «Мурзилка», где и работал до конца войны.
> В 1946 году попал под грузовую машину, получил тяжелую контузию, сотрясение мозга, перелом ребер и надолго выбыл из строя.
> После этого сотрудничал в детских журналах. В 1951 г. опять долго болел после тяжелого двойного инфаркта и только в 1952 г. смог возобновить литературную работу, и то не в полную силу.
> Последствия этих двух болезней не давали мне возможности в последние годы принимать участие в общественной жизни Союза Писателей[26].

Если эти биографические детали и правдивы, то им сопутствовало также и идеологическое напряжение — редакция «Мурзилки» была расформирована после постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» 1946 года, поводом стала печатавшаяся из номера в номер сказка Корнея Чуковского «Бибигон». Если в седьмом номере журнала Халтурин еще указан в редколлегии, то следующие номера выходят уже без имен, Чуковский отмечает в дневнике 21 августа 1946 года, имея в виду этот погром: «Халтурин тоже устранен»[27]. Скорее всего, Шкловский пишет записку незадолго до этого момента, отправляя к своему приятелю нового знакомца, однако редактор не смог (если и хотел) пролоббировать Сатуновского в подначальном журнале.

Наконец, самая подробная из записок Шкловского адресована Михаилу Светлову:

> Дорогой Миша
> Я продолжаю сам ухаживать за своими усами, и сам утешаю себя, когда мне скучно. Кончаю книгу и она как и все и всегда мне уже не нравится.
> Очень хочу познакомить Вас с одним не молодым поэтом Яковом Абрамовичем Сатуновским.
> Мне кажется, что он талантлив. Он очень хорошо любит поэзию и Вас в частности.
> Я тоже Вас люблю.
> Иногда мне даже так же скучно как и Вам.

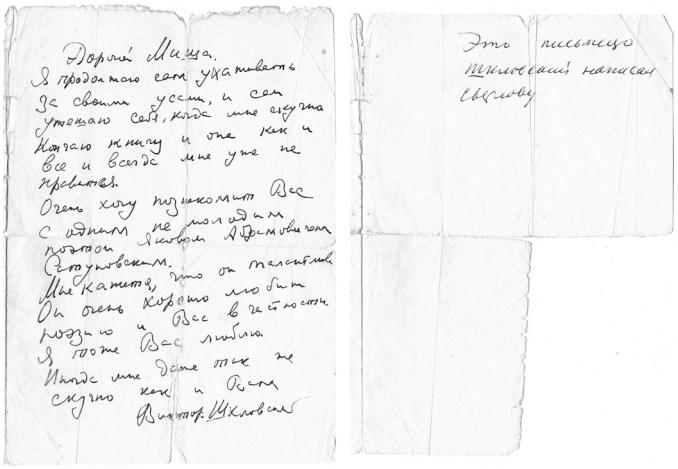
Вероятно, эту записку стоит датировать примерно тем же периодом второй половины 1940-х, и она примечательна чуткостью, которую проявляет Шкловский в адресации к другому автору, сочувствующему послевоенным авангардистам. В будущем близкий Сатуновскому поэт Геннадий Айги в бытность студентом

---

25 *Шкловский В.Б.* Жили-были. М.: Советский писатель, 1966. С. 432. Ср. также в записи Е.Л. Шварца от 2 февраля 1957 года: «Пришел на спектакль и Шкловский, под руку с Ваней Халтуриным» (*Шварц Е.* Бессмысленная радость бытия. Дневники и письма. М.: Корона-принт, 1999. С. 51).

26 Центральный государственный архив Кировской области. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 135. Л. 182.

27 *Чуковский К.* Собрание сочинений. Т. 13: Дневник. 1936–1969. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. С. 87.



Илл. 4. Записка Шкловского к М.А. Светлову с припиской на обороте рукой Сатуновского: «Это письмецо Шкловский написал Светлову». Домашний архив Я. Сатуновского.

Литинститута учился у Михаила Светлова. Согласно мемуарам Айги, в том числе благодаря хлопотам Светлова, был представлен Пастернаку и Шкловскому[28], интересовавшимся новой не вполне конвенциональной литературой.

В позднем очерке, который Шкловский посвятил памяти Светлова[29], упоминается и Иван Халтурин — по-видимому, они оба входили в некоторую социальную сеть симпатизантов недогматической советской эстетики, вероятно восходящей еще к довоенным отклонениям обоих от «партийной линии»: троцкизму Светлова и близости Халтурина к кругу обэриутов. Приятельство со Шкловским, готовность принимать приходящего от него начинающего поэта (видная из самого факта рекомендации) здесь была важным общим знаменателем. Если рекомендательные записки и не сыграли роли в вопросе публикации, то они позволили Сатуновскому войти в круг литераторов, так или иначе интересующихся новым изводом советского авангарда.

Однако выписыванием рекомендаций участие Шкловского в литературной карьере неофициального поэта не ограничивается. На протяжении 1950–1960-х годов Шкловский и Сатуновский сохраняют дружеское общение. 7 октября 1963 года Сатуновский пишет стихотворение «Надпись на книге», где упоминает будущую мемуарную книгу Шкловского «Жили-были»:

Нет, Виктор Борисович,
не так, как Вы пишите,
не «жили-были».
— Были.
Жили. <…>[30]

---

28 «Поэт — это несостоявшийся святой…». Беседа Виктора Куллэ с Геннадием Айги // На середине мира (URL: https://seredina-mira.narod.ru/aigi-kulle.html).

29 *Шкловский В.* О соседе — Михаиле Светлове // Литературная газета. 1969. № 47 (4229). 19 ноября.

30 *Сатуновский Я.* Стихи и проза к стихам. С. 480.

К этому времени Сатуновский находит свое место на литературном поле. С одной стороны, в 1961 году он знакомится со Всеволодом Некрасовым благодаря переводчику Бугаевскому[31] и попадает в Лианозово, в 1963 году по переписке знакомится с Бродским[32]. Вскоре Сатуновский начинает активно заниматься детской литературой, переводами, фольклором и литературоведением. В 1966 году Сатуновский дебютирует как стиховед со статьей «Ритмы считалки в стихах Маяковского»[33], опубликованной в четвертом номере журнала «Русская речь»[34]. Шкловский коротким письмом-рецензией (см. ниже) рекомендует ее к изданию, чем вызывает столь сильную благодарность автора, что краткий отзыв Шкловского цитируется в самой статье и нескольких следующих, — очевидно, что такое печатное ободрение нужно Сатуновскому для дополнительной валидации собственной работы в пространстве идеологизированного маяковедения, в котором Шкловский обладал особыми правами друга и биографа покойного поэта.

К периоду 1966–1969 годов относится большая часть сохранившейся переписки между литераторами (см. ниже), из чего можно сделать вывод о том, что именно в это время они общались больше всего (никогда, впрочем, не переходя границы приятельства; обмениваются письмами они довольно редко и всегда по делу). Отдельно стоит здесь упомянуть поддержку Шкловского в занятиях Сатуновского детской литературой.

По личному свидетельству дочери Елены, Сатуновский начал карьеру в детской литературе благодаря Владимиру Глоцеру, литературному секретарю Маршака. В письме Владимиру Лапину Сатуновский пишет: «Я познакомился с (превосходным, по-моему) поэтом Генрихом Сапгиром и недавно он съагитировал меня написать детские стихи. Некоторые из них я послал в “Пионер”»[35]. В 1966 году поэт сдал в издательство «Малыш» рукопись детской кни-

---

31 *Некрасов В., Сатуновский Я.* Переписка и воспоминания / Публикация Г. Зыковой и Е. Пенской // Цирк «Олимп»+TV. 2016. № 23 (56) (URL: https://www.cirkolimp-tv.ru/articles/709/yaa-Satunovsky-i-vsn-nekrasov-perepiska-i-vospominaniya?ysclid=ms51i49hdu543005660).

32 ОР РНБ. Ф. 1333. Ед. хр. 545.

33 Одновременно с этим публикуется газетная статья «Маяковский и детская поэзия», которую можно рассматривать как вариант журнальной публикации. Литературоведческий корпус Сатуновского богат и до сих пор полностью не опубликован, см. подробнее: *Павловец М.* «Ритм сознательной поэтической вещи»: литературоведческие и литературно-критические статьи Яна Сатуновского и его поэтическая практика // Wiener Slawistischer Almanach. 2025. Т. 95. С. 203–228.

34 *Сатуновский Я.* Ритмы считалки в стихах Маяковского // Русская речь. 1968. № 4. С. 21–32. В выписках Елены Пенской из разговоров с Анной Журавлевой есть запись: «Анна Ивановна [Журавлева] начала работать в журнале “Русская речь” после защиты кандидатской диссертации в 1967 и с самого основания журнала. Ее должность называлась “сотрудник редакции”, и она имела право рекомендовать авторов. В 1967 году АИ и В[севолод] Н[екрасов] поженились. В декабре Я[н] С[атуновский] познакомился с АИ, в доме на Остроумовской, куда его пригласил ВН. ЯС читал стихи и рассказывал о своих фольклорных занятиях, а в феврале 1968 года передал АИ материал для возможной публикации в ж[урнал] “Русская речь”. “Ритмы считалки в стихах Маяковского” рекомендовала АИ. На редакционном обсуждении в феврале 1968 статья ЯС была встречена благосклонно. Поддержал [Виктор Владимирович] Виноградов» (*Пенская Е.* Выписки из разговоров с Анной Журавлевой 1993 года (Домашний архив Елены Пенской)).

35 Домашний электронный архив Владимира Орлова.

ги «Малышам про малышей», хотя она была напечатана только через пять лет. Известно, что книга прошла жесткое редакторское вмешательство[36], можно предположить, что ее выход был задержан в том числе невозможностью найти компромисс между автором и редактором. Однако, имея в багаже детских публикаций лишь «застрявшую» в издательстве книгу и два стихотворения в периодике, Сатуновскому удалось выпустить другую детскую книгу.

В марте 1967 года поэт вышел на пенсию с должности инженера-химика, а в апреле в издательстве «Детская литература» была сдана в набор детская книга «Раз-два-три», посвященная детским считалкам разных народов. Примечательно, что на момент знакомства Сатуновского с лианозовцами все молодые поэты группы интегрируются в детскую литературу. Вероятно, их опыт мог повлиять на выбор и успехи Сатуновского, работавшего с теми же издательствами и редакторами. Однако выход книги в «Детской литературе» не стал существенным «трамплином» в писательской карьере Сатуновского. Следующая его книга вышла лишь через четыре года, что стало самым большим временным промежутком в библиографии автора. Сатуновский предпринял существенные усилия для преодоления этого кризиса, обратившись прежде всего к своим друзьям и заступникам. Вероятно, именно желанием помочь автору объясняется комплиментарная рецензия на «Раз-два-три» друга Сатуновского по Лианозово, Всеволода Некрасова[37].

Для Шкловского детская литература была одной из важных тем, он написал несколько книг для детей и множество статей по проблемам детской литературы (избранные из них составили его сборник 1966 года «Старое и новое»), поэтому неудивительно, что Сатуновский обратился к нему за протежированием и в этой области. В одном из писем он напоминает Шкловскому об обещании написать рецензию на книгу «Раз-два-три», в ответ Шкловский извиняется, что лишь мельком упомянул ее в одной из газетных статей (см. ниже). Но уже во второй детской книге Сатуновского Шкловский поучаствовал более значительно, написав к ней короткое предисловие. Книга «У медведя во бору. Песни-считалки» вышла в 1971 году в издательстве «Физкультура и спорт»[38], через четыре года после «Раз-два-три». Предисловие Шкловского должно было придать вес книге Сатуновского и публично продемонстрировать поддержку старшего литератора:

> Во время игры надо решать, кто будет водить. Для этого по всему миру дети говорят считалки. Загадывать при помощи чисел — очень древний обычай. В детских играх сохранились многие старые поверия и обряды. Прочитав эту книжку, ребята, вы сможете разнообразить свои игры и получить первое представление о детях народов нашей страны. Все люди земли похожи друг на друга; они одинаково

---

36 См. *Гарцман И.* Человек во времени. Три страницы о Яне Сатуновском // Новая карта русской литературы. 2007 (URL: http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2007-2/satunovsky/).

37 *Некрасов В.* [Рец. на: Я. Сатуновский. «Раз-два-три»] // Семья и школа. 1968. № 9. С. 45.

38 Примечателен выбор издательства, отличающегося и профилем, и престижем от основных московских издательских институций: «Детской литературы» и «Малыша». Помимо методической литературы, там выходят книги Сапгира, Михалкова, Трифонова. Более того, например, вернувшемуся белому эмигранту Юрию Софиеву не удалось напечататься нигде, кроме «Физкультуры и спорта». См.: *Денисова О.Е.* Судьба поэта-реэмигранта Ю.Б. Софиева // Уральский филологический вестник. 2014. № 5. С. 94.

смеются, одинаково плачут. В сходстве игр мы видим сходство человеческих сознаний. Играя в игры разных народов, будем узнавать друг друга и будем учиться любить друг друга. Я сам сыграл бы в эти игры, если бы был моложе раз в десять[39].

Примечательны строки из этой книги с двойной адресацией, вновь обыгрывающие название мемуаров Шкловского:

Жил на свете
Жилдабыл,
с Былдажилом
он дружил...[40]

После этой книги наконец выходит «Малышам про малышей»[41], и Сатуновский становится вполне преуспевающим детским писателем, каждые пару лет выпускающим по новой книге. Необходимость в литературной протекции старшего коллеги, по сути, отпадает у автора, наконец нашедшего свою колею в пространстве разрешенного, — хотя детская литература и не воплощала всех амбиций Сатуновского, но она дала ему ту самую валидацию[42], которой вполне достаточно для параллельной литературной работы «по гамбургскому счету» в пространстве неофициальной культуры.

О дальнейших взаимоотношениях двух литераторов говорить трудно. Последнее сохранившееся письмо Шкловского датировано 1969 годом, а предисловие к книге становится последней зафиксированной репликой их многолетнего диалога. Сатуновский и дальше конспектирует старые статьи Шкловского, делает выписки из книги «Эйзенштейн» 1973 года и интервью того же года, о чем пишет стихотворение:

Выпишу карточку
из Эйзенштейна Шкловского
о двуликих подражателях,
подражателях великих[43].

---

39 *Шкловский В.* [Предисловие] // Сатуновский Я. У медведя во бору. М.: Физкультура и спорт, 1971. С. 2. Этот небольшой текст, приведенный целиком, отсутствует в основных библиографиях работ Шкловского: *Sheldon R.* An International Bibliography of Works by and About Him. Ann Arbor: Ardis, 1977; *Галушкин А.Ю.* Новые материалы к библиографии В.Б. Шкловского // De Visu. 1993. № 1. С. 64–77.

40 *Сатуновский Я.* У медведя во бору. М.: Физкультура и спорт, 1971. С. 19.

41 Стоит отметить, что в этом случае Сатуновский благодарит за протекцию детскую поэтессу Елену Благинину, вдову друга Сатуновского поэта Георгия Оболдуева: «Дай Вам бог всего доброго. В “Малыше” мне сказали, что, основываясь на рецензии, они будут поддерживать перед начальством пропозицию о включении книжки в план 71 года. Еще раз — спасибо» (РГАЛИ. Ф.1448. Оп. 3. Ед. хр. 287. Л. 4).

42 После выхода второй книги Сатуновский получает удостоверение литературоведа в профсоюзе работников культуры и все чаще появляется в публичном пространстве, например, активно выступая на детском радио. Известный композитор София Губайдулина, приятельствующая с автором, пишет музыку для детских песен на стихи Сатуновского.

43 *Сатуновский Я.* Стихи и проза к стихам. С. 555. Возможно, мотив подражания связан с книгой: «Очень большие творческие успехи нередко идут через подражание, через усвоение чужих структур и через переделку этих структур» (*Шкловский В.* Эйзенштейн. М.: Искусство, 1973. С. 137).

В 1975 году Сатуновский пишет стихотворение «Если жизнь — мираж...» со строчками: «...сяду, полистаю в тридесятый раз / Шкловского...»[44], а через два года:

Боже, как орут старики! —
Антокольский, Шкловский...
Хоть возьми и выключи телевизор*.

*т.е. возьми и похорони нас, стариков[45].

В этих жестах видна сентиментальность, и, вероятно, в том же году он пишет Шкловскому последнее известное письмо о том, что видел его по телевизору в передаче о Багрицком. Спустя 30 лет после знакомства он заново представляется и заводит разговор о строфике стихотворения Пастернака «Зимняя ночь», однако нам неизвестно, был ли получен ответ. Резюме отношений двух авторов Сатуновский сформулировал в стихотворении 1950-х годов, где искренняя благодарность к Шкловскому сочетается с подозрением к трикстерскому характеру старшего литератора:

Так что им надо, этим наркоманам?
Они меня считают
чуть не графоманом,
а Виктор Шкловский...
Подожди!
Он, может быть, из вежливости!
И он, скорей всего, шутил!
Ведь он — остряк известный!

* * *

Публикуемая ниже переписка Сатуновского и Шкловского наглядно демонстрирует динамику отношений двух авторов и вводит в оборот новые материалы, необходимые для построения их биографий. Письма Сатуновского сохранились в фонде Шкловского в РГАЛИ (первое письмо: Ф. 562. Оп. 1. Д. 694, остальные: Ф. 562. Оп. 2. Д. 684). Письма Шкловского хранятся в домашнем архиве Сатуновского. Мы благодарны наследникам Шкловского и Сатуновского за содействие к публикации этих материалов, а также Ивану Ахметьеву и Валерию Отяковскому за терпение и помощь с настоящей публикацией.

44 *Сатуновский Я.* Стихи и проза к стихам. С. 373.
45 Там же. С. 412.

1. Сатуновский — Шкловскому. [Около 1946 года]

Глубокоуважаемый Виктор Борисович!
Надеясь, что не застану Вас, пишу то, что хотел бы сказать и вряд ли сказал бы. (Потому — надеясь.) Я неуч — не знаю Сиверса[46], не помню Эйхенбаума[47]. «Русского языка»[48] тоже плохо знаю — это я знаю.
Люблю стихи (некоторые) и пишу то, о чём Вы, посомневавшись, сказали: «Это стихи».
Хотел бы заниматься экспериментальной работой — подбором материалов для изучения ритма.
Простите самоуверенность — ещё до Вашего приёма понял — людей нет, одни умирают, другие не приходят. Кажется, так и есть.
О чём я думал — на войне и потом?
Ритм (стиха) образуют разные звуки (и паузы).
Звук характеризуется: длительностью, силой, высотой и пр.
Хотел записать (графически) как чередуются эти компоненты в стихах — с голоса поэтов — и читателей стихов. (Построчно).
Наверно, правильней бы изучать чтение про себя — внутреннее — так, как ритм «приходит» поэту и слышится читателем. Пока не знаю, как это сделать, — может быть, могут помочь глухонемые. Единственное, что легко, — скорость чтения стихов и прозы вслух и про себя — наверное, исследована.
Приблизительное представление дает запись с шопота.
Хотел бы собрать материал, подтверждающий: ритм «объективно существует» и переходит от автора к читателю.
Потом можно изучить — как влияют на длительность, силу, высоту звуков (и на длительность пауз) в стихе — метр, рифмы, аллитерации, смысл и т.д.
Знаю, что чем-то в этом роде (знание неуча) много лет занимается проф. С.И. Бернштейн[49]. Знаю и то, что сейчас он, кажется, этим уже не занимается.
Почти наверное не смогу этим заниматься и я.
На войне, да и потом, за границей, мы от многого поотвыкали.
Сегодня, или завтра, в милиции мне скажут: в 24 часа из Москвы (я — днепропетровец. Правда, «дома» дома нет, но…)
Зачем же я ходил к Вам и пишу сейчас?

1. Меня просветили, что Вы всё можете. Побыв неделю в Москве, понял, что никто ничего не может.

---

46 Эдуард Зиверс (нем. *Eduard Sievers*; 1850–1932) — немецкий филолог, один из создателей т. наз. «слуховой филологии», *Ohrenphilologie*, направления, чрезвычайно важного для раннего формализма (см., напр., статью брата Шкловского Владимира: *Шкловский Вл.* О ритмико-мелодических опытах проф. Сиверса // Сборники по теории поэтического языка. Вып. II. Пг.: Типография З. Соколинского, 1917. С. 87–94).

47 Очевидно, здесь идет речь о книге Эйхенбаума, написанной под влиянием Зиверса: *Эйхенбаум Б.М.* Мелодика русского лирического стиха. Пб.: ОПОЯЗ, 1922.

48 Вероятно, Сатуновский откликается здесь на список посоветованной Шкловским литературы об изучении языка и стиха, в таком случае вполне вероятно, что речь о недавней книге автора, близкого формалистам: *Винокур Г.О.* Русский язык. Исторический очерк. М.: Гослитиздат, 1945.

49 Бернштейн Сергей Игнатьевич (1892–1970) — опоязовец, последовательно занимавшийся развитием идей «слуховой филологии». О его исследованиях см.: Звучащая художественная речь: Работы Кабинета изучения художественной речи (1923—1930) / Сост. В. Золотухин, В. Шмидт. М.: Три квадрата, 2018.

2. Может быть, к Вам придет еще кто-нибудь, москвич, русский, образованный. Вспомните эту тему. Пусть все мои мысли о ритме — вздорные, но ведь это интереснее всего на свете.

Спасибо за книжки, возвращаю их.
За «Якорем», если он Вам не будет нужен, зайдет мой брат[50].
Не благодарю Вас за участие и теплоту приема — не могу выразить, как Вам благодарен.

Ваш Яков Сатуновский.

2. Сатуновский — Шкловскому. 18 апреля 1966 г.

Дорогой Виктор Борисович!
Посылаю Вам выдержку из статьи, подписанной «В. Иванов, кандидат филологических наук»[51] (Комсомольская Правда, 16 апр. 66 г.).

> Между прочим, описание искусства в математически точных терминах началось еще до появления кибернетики. По отношению к художественной литературе, и особенно к поэзии, одна из первых попыток такого описания была предпринята в нашей стране более сорока лет назад группой ученых, входивших в Общество по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ). Эта группа, к которой был близок Маяковский, впервые в мировой науке попробовала исследовать, как «сделаны» произведения искусства. В то время эти работы были без оснований обвинены в формализме и не получили должной высокой оценки[52].

Надеюсь, Вам будет приятно прочесть эти строчки, как еще одно доказательство нашей — читательской — любви к Вам и к Вашим товарищам.
Я как-то нехорошо начал письмо, можно подумать, что это я написал статью и подписал «Иванов». Нет-нет, я по-прежнему ничего, кроме стихов, не пишу, и у меня сейчас набралось их уже с пол-тыщи[53]. Напечатал один (1) в журнале «Пионер», да и то потому, что там одно время стихами ведал симпатичный мальчик и поэт «пастернаковской школы» Володя Лапин[54].
С уважением — инженер из Электростали

Я. Сатуновский

---

50 Сатуновский Петр Абрамович (1919–2014) — брат поэта, известный кинооператор и режиссер неигрового кино. Автор мемуаров «Гвардии рядовой» (М.: Кинофорум, 2006) и «Посмертная слава» (URL: https://imwerden.de/publ-1857), активно занимался наследием брата после его смерти.

51 Речь идет о Вячеславе Всеволодовиче Иванове (1929–2017). Статья «Через призму кибернетики» вызвала большую реакцию из-за реабилитации ОПОЯЗа, например, см.: *Борщуков В.* Точность необходима не только математику… // Вопросы литературы. 1966. № 7. С. 182–183.

52 Газетная вырезка, вклеенная в письмо (Комсомольская Правда. 1966. № 89 (12556). 16 апреля).

53 По авторской нумерации к апрелю 1966 года было написано порядка 430 стихотворений.

54 Владимир Петрович Лапин (1945–2005) — неофициальный поэт, с конца 1960-х годов активно занимавшийся правозащитной деятельностью. В возрасте 10 лет пришел в ЛИТО Владимира Глоцера, который показывает его стихи Маршаку и Чуковскому. Чуковский включил их в книгу «От двух до пяти», а в 1961 году в «Детском

3. Шкловский — Сатуновскому. 14 марта 1968 г.

Вот копия моей рецензии.
Мне кажется, что статью надо печатать в Вашем журнале. Владимир Маяковский в самом деле очень любил и часто вспоминал считалки[55].
Соединение «считалок» с «выделенным» у Маяковского словом[56] отмечено верно.
Материал богат.
Автор талантлив, но неопытен.
Стр. 3–5 перегружают текст, они должны быть дополнительно комментированы.
Простите за краткость рецензии.
Я болен: у меня было двухстороннее воспаление легких.

Виктор Шкловский

4. Сатуновский — Шкловскому. [1968 год]

Дорогой Виктор Борисович!
Посылая Вам журнал с моей статейкой[57] я хочу еще раз поблагодарить Вас за ту помощь, которую Вы мне оказали, отметив в рецензии некоторые ее недостатки; Я попытался их исправить.

мире» вышла его книга «Тетрадь Володи Лапина». Во второй половине 1960-х годов вел раздел детского творчества в журнале «Пионер». Сатуновский получил письмо из журнала «Пионер», подписанное Владимиром Лапиным, 31 октября 1964 года: «Огромное Вам спасибо за письмо со стихами — с очень хорошими стихами. Стихи — “Хочешь напиться?” и “Печку топят” обязательно появятся в журнале. А об остальных еще пойдет разговор на редколлегии. Мне очень хочется узнать другие Ваши стихи. Если Вы пишете не только для детей, то пришлите и те — другие. Очень буду рад им. И еще мне хотелось бы переписываться с Вами, говорить о поэзии» (Домашний электронный архив Владимира Орлова). В 1965 году стихотворение «Чует лосенок — весна!..» опубликовано в 3 номере журнала «Пионер». См.: *Сатуновский Я.* Стихи и проза к стихам. М.: Виртуальная галерея, 2012. С. 697. Вероятно, эту публикацию можно рассматривать как дебют Сатуновского в детской литературе.

55 Эта цитата интегрируется в оба варианта статьи о детских мотивах в поэзии Маяковского: «Знал ли Маяковский считалки — русские, грузинские? Ознакомившись с рукописью этой статьи, В.Б. Шкловский засвидетельствовал, что “В. Маяковский в самом деле знал, очень любил считалки, часто цитировал и радовался их мастерству”» (*Сатуновский Я.* Ритмы считалки в стихах Маяковского. С. 21); «“Маяковский в самом деле знал, очень любил считалки, часто цитировал и радовался их мастерству”, — свидетельствует друг поэта писатель Виктор Шкловский» (*Сатуновский Я.* Маяковский и детская поэзия // Московский комсомолец. 1968. № 167 (9090). 19 июля).

56 Речь о следующем фрагменте статьи Сатуновского: «“Поэзия Маяковского есть поэзия выделенных слов по преимуществу”. Существует большой класс считалок, к которым данная формула Р. Якобсона полностью приложима. Поэзия таких считалок есть “поэзия выделенных слов”» (*Сатуновский Я.* Ритмы считалки в стихах Маяковского // Русская речь. 1968. № 4. С. 21). Здесь цитируется (без библиографической сноски): *Якобсон Р.* О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским. [Берлин]: Государственное издательство РСФСР, 1923. С. 107.

57 *Сатуновский Я.* Ритмы считалки в стихах Маяковского // Русская речь. 1968. № 4. С. 21–32.

Боюсь, что другие мои статьи — «Странный мир считалки»[58], «Как дети читают стихи»[59] и др. не будут напечатаны — говорят, что они «формалистичны». Посылаю также свои стихи-считалки[60], на которые Вы любезно предложили написать рецензию; возможно, экземпляр, который я Вам посылал раньше, затерялся.
Желаю Вам здоровья

Любящий Вас Я. Сатуновский

5. Сатуновский — Шкловскому. [Предположительно 1969 год]

Дорогой Виктор Борисович!
Мне крайне неловко, но все же я решаюсь напомнить Вам о Вашем обещании написать рецензию на мою книжечку считалок «Раз два три».
Может быть, Вам пригодится, если я напомню Вам также о том, что среди настоящих народных считалок есть такие, в которых используются немецкий и французский счет, например:

Анс, цвей, драй,
Лида-Лида, лай
Окен, бокен… и т.д.

(установлено, что это переделка еврейской народной детской песни «Nit eins, nit zwei, nit drei, // oder-lider-lai! Oken, boken…»[61] и т.д.),

Эни-бэни друакатэр,
мадмазель Жураватер
Жур, жур, Петербург
паф!

Латинские считалки культивировались в бурсе, отголосок, по-видимому

Энде, пэнде, дукде мэ,
абер, фабер, доминэ, и др.

С глубоким уважением

Я. Сатуновский

---

58 Несмотря на опасения автора, статья была опубликована: *Сатуновский Я.* Странный мир считалки // Дошкольное воспитание. 1969. № 6. С. 121–124.

59 Статья с таким названием неизвестна.

60 *Сатуновский Я.* Раз-два-три. М.: Детская литература, 1967. Сатуновский активно дарит свою дебютную книгу, среди адресатов дарственных надписей также были обнаружены: редактор Сатуновского Карл Арон («Карл / Арон / Выйди / Вон!»), Иосиф Бродский, Лев Кассиль, Илья Сельвинский.

61 Об этой и следующей считалке пишет фольклорист Г. Виноградов (*Виноградов Г.* Детские игровые прелюдии // Сибирская живая старина. 1929. Вып. 7–8. С. 155). В этот период Сатуновский активно занимается детским фольклором: конспектирует Виноградова и других фольклористов, составляет картотеку детских считалок и игр народов мира, пишет отзыв на кандидатскую диссертацию фольклориста из Коми Юрия Рочева. Инскрипт в автореферате исследователя из личного архива поэта гласит: «Я. Сатуновскому, популяризатору фольклора детей народов СССР <…>».

6. Шкловский — Сатуновскому. 12 декабря 1969 г.

Дорогой друг!
Я перед Вами виноват: обещал написать статью, а только упомянул[62]. Ваша статья «Странный мир считалок». Хорошая статья.
В моей статье до редакционной стрижки о Вас было больше. Но главное в ней пропущено об считалке то, что считалка это вид жеребьевки. Жребий был решением судьбы. Сам способ выбора по счету напоминает гадание и присуждение наказания при массовой вине по счету — например казнить десятого[63].
Считалка разбивается на заумные слова и счет. «Заумность» способ замаскировать назначение по счету, сделать его как бы случайным.
К.И. Чуковский человек легкомысленнейший[64].
«Кричалки»[65] тоже вероятно стали игрой после того, как были обычаями. Счет людей (перепись) действительно был религиозно запрещен[66].
Счет был не к добру.
«Цыплят по осени считают»
Ваша статья очень интересна, но зажата.
В ней зерно книги.
Отмежевываются имена Горького и Маршака, вы же приходите.
Все же подумайте о считалке как о поиске судьбы.
С уважением,

нерадивый Виктор Шкловский
12 декабря 1969 года.

На всякий случай
С Новым Годом.
Пускай он будет добрей.

ВШ.

Статью Вашу положил в книгу.

---

62 В статье о проблемах издания детской литературы Шкловский пишет: «Считалки — словно кладовая или антресоли, в которых сложены вещи разные и очень любопытные. Я.А. Сатуновский издал в “Детской литературе” в 1967 году маленькую книжку “Раз-два-три”. Эти считалки — изобретение. Счет ведется на разных языках. Книжка очень хорошая, такая хорошая, что ее нельзя найти. Ее зачитали» (*Шкловский В.* Первые страницы большого мира // Литературная газета. 1969. № 49 (4231). 3 декабря).

63 Речь идет о практике децимации.

64 Чуковский — герой двух статей Сатуновского. В этот период он работает над статьей «“Первоначало” Чуковского» для 3 номера журнала «Детская литература». Позднее по просьбе Лидии Чуковской Сатуновский напишет статью «Корнеева строфа», в которой среди прочего укажет: «Но во всех этих стихотворениях — и оригинальных, и переводных — днем с огнем не сыщешь ничего, что предвещало бы будущего замечательного детского поэта. По мнению Шкловского, это были стихи, “почти доходящие по своему качеству до уровня посредственности”» (*Сатуновский Я.* Корнеева строфа. Заметки о творчестве К. Чуковского // Журнал «Детская литература». 1995. № 1–2. С. 19–25); см.: *Сатуновский Л.* История в письмах (о статье «Корнеева строфа») // «ImWerden»: Электронная библиотека Андрея Никитина-Перенского (URL: https://imwerden.de/publ-2053).

65 Вероятно, речь об упомянутом в статье Сатуновского «Странный мир считалки» термине Чуковского «кричалки», т.е. короткие стишки-экспромты, которые маленькие дети сочиняют и выкрикивают в процессе игр (*Чуковский К.* От двух до пяти. М.: Детская литература, 1968. С. 442).

66 Речь про иудаизм, в котором существует запрет на прямой (по головам) подсчет людей.

7. Сатуновский — Шкловскому. [Декабрь 1969 года].

Дорогой и вельми радивый Виктор Борисович!

Спасибо за письмо. Вы мне не обещали никаких «статей» о моей книжке (еще чего!); видимо, я так неуклюже поблагодарил Вас за упоминание, как будто ждал чего-то большего.

Ваши замечания о считалке, насколько я могу судить, очень важны и верны. Не зря дети берут в игру загадки: считалка <—> загадка, которую не надо разгадывать <—> поэзия (в том числе сегодняшняя самыздацкая, наиболее мне интересная). Эта формулировка — производная от Вашей (в «Воскрешении слова»): «язык поэзии… полупонятен»[67].

«Заумность», вероятно, не только способ замаскировать назначенное по счету, но и способ подчеркнуть его, остранив. Забавно, что в поэзии (искусстве вообще) элементы игры — поэтические приемы и пр. способны менять знак относительно импульсов жизни — счета, судьбы-несудьбы, «соцзаказа» и т.д. — от плюса до минуса. Но — как часто стрелка на нуле!

С Новым годом! Всего Вам наилучшего!
Ваш
Малоталантливый ученик

Я. Сатуновский

P.S. Может быть, здесь к месту — два стишка:

ххх
Читатель — чего он хочет?
Он хочет,
насколько я выяснил,
по-э-зии,
то-есть неясных мыслей
и звуков клокочущих
в ухе щекочущих.
Авг. 67

ххх
Бессмыслица, двусмыслица, считалка,
начну сначала, чтобы защипало в горле
как от ангины,
загану́ загадку,
которую разгадывать не надо,
которую нельзя не угадать
— поэзию
Февр 69

Еще раз — спасибо

ЯС

67 «История искусства показывает нам, что (по крайней мере, часто) язык поэзии — это не язык понятный, а язык полупонятный» (*Шкловский В.* Воскрешение Слова. СПб.: тип. З. Соколинского, 1914. С. 14). В архиве Сатуновского сохранилась сделанная им выписка этой цитаты.

8. Сатуновский — Шкловскому. [1975 или 1976 год]

Дорогой Виктор Борисович!

На днях с большой радостью видел и слышал Вас по телевизору — в передаче о Багрицком[68].

Дай Вам бог здоровья, дорогой Учитель! Шоло́м!

Напомню о себе — инженер из Электростали (теперь уже, правда, давненько на пенсии), Ваш «соавтор» по статье о Павле Зарубине и благодарный Вам автор книжицы считалок (которую Вы печатно хвалили) и книжицы игр (к которой Вы написали «предисловьице»), да нескольких статеек — все о том же — играх, считалках и т.п.

Как и 30 лет назад, когда я впервые пришел к Вам на Метростроевскую, а потом стал ходить на Черняховскую, — по-прежнему пишу «в стол» стихи; правда, детские книжки изредка удается пробивать.

О себе — все.

Может, Вам интересно будет прочесть вот о чем. Обратили ли Вы внимание, что одно из самых популярных стихотворений позднего Пастернака — «Зимняя ночь» — было опубликовано в двух вариантах — 1948-го и 56-го гг. Варианты различаются главным образом расположением строф. При этом «содержание» строф не играет, мне кажется, роли; все дело в местоположении строфы с рефреном «свеча горела на столе, / свеча горела».

Эти стихи, как Вы, вероятно, помните, замыкают первое четверостишье. Дальше — в варианте 48 г. — следует вторая строфа, без рефрена, — и тут автор делает «полный поворот», переводит рефрен в четную-четвертую строфу, и такую архитектонику (если я не путаю термин) выдерживает дальше на протяжении всего стихотворения. А в последней — восьмой строфе — закольцовывает стихотворение, повторяя первую строфу. Так было в первом варианте.

Полагаю, что Бор. Леонид. почувствовал какую-то «романсовость», может быть, некоторую назойливость такой формы. Во всякому случае, в изд. 1956 г. строфы с рефреном уже следующие: 1-ая, 3-я, 6-ая, 8-ая. «Кольца» нет, вместо повторения строф добавлено одно четверостишье (новое!).

Мне кажется, это редкий по своей обнаженности случай чисто поэтического способа построения стихотворения, придания ему чисто поэтическим, формальным путем большей или меньшей гармоничности и (что не одно и то же, а в данном примере — наоборот) большей или меньшей «напевности» и т.д.

Конечно, я здесь затронул саму схему, очень любопытно, как конкретно переставлялись строфы, какую роль играла строфа, до некоторой степени анало-

68 Вероятно, речь о телепередаче «Поэзия. Эдуард Багрицкий» (Главная редакция литературно-драматических программ, 1975), известно о ее телетрансляции и в 1976 году. В выписке из Гостелерадиофонда приведено описание программы, в одном эпизоде которой упомянут Шкловский: «Писатель Виктор Шкловский, вспоминая Э. Багрицкого, говорит, что поэт представлял собой явление культуры стиха, а стихи читал лучше всех; говорит, что поэзия возвращает человеку его собственную жизнь».

гичная «рефреновой» (та, где «скрещенья рук, скрещенья ног, / Судьбы скрещенья), но ведь всего не переговоришь.

Извините, если надоел. Надо же было что-нибудь писать, не ограничиваться сообщением, что видел Вас по телевизору. Писал о том, что мне интересно.

Всего Вам доброго, дорогой Виктор Борисович; любящий Вас читатель еще с ОПОЯЗовских времен; и сейчас ждущий чего-нибудь нового от любимого писателя —

Яков Сатуновский

Библиография / References

Ахметьев И. Из архива Я. А. Сатуновского // Wiener Slawistischer Almanach. 2025. № 95. P. 311–339.

(*Ahmet'ev I.* Iz arhiva Ya. A. Satunovskogo // Wiener Slawistischer Almanach. 2025. № 95. P. 311–339.)

Денисова О.Е. Судьба поэта-реэмигранта Ю.Б. Софиева // Уральский филологический вестник. 2014. № 5. С. 93–100.

(*Denisova O.E.* Sud'ba poeta-reemigranta Yu.B. Sofieva // Ural'skij filologicheskij vestnik. 2014. № 5. P. 93–100.)

Добренко Е. Поздний сталинизм: эстетика политики. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

(*Dobrenko E.* Pozdnij stalinizm: estetika politiki. Vol. 2. Moscow, 2020.)

Зыкова Г., Пенская Е. Ян Сатуновский: материалы к изучению творчества и литературного контекста // «Лианозовская школа»: между барачной поэзией и русским конкретизмом / Под ред. Г. Зыковой, В. Кулакова, М. Павловца. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 593–625.

(*Zykova G., Penskaya E.* Yan Satunovskij: materialy k izucheniyu tvorchestva i literaturnogo konteksta // «Lianozovskaya shkola»: mezhdu barachnoj poeziej i russkim konkretizmom / Ed. by G. Zykova, V. Kulakov, M. Pavlovec. Moscow, 2021. P. 593–625.)

Кукулин И. Два рождения неподцензурной литературы // Кукулин И. Прорыв к невозможной связи: Статьи о русской поэзии. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2019. С. 31–42.

(*Kukulin I.* Dva rozhdeniya nepodcenzurnoj literatury // Kukulin I. Proryv k nevozmozhnoj svyazi: Stat'i o russkoj poezii. Ekaterinburg; Moscow, 2019. P. 31–42.)

Кукулин И., Майофис М., Четверикова М. Кулуарные импровизации: социальная кооперация, обход правил и процессы культурного производства в позднем СССР. Статья вторая // Новое литературное обозрение. 2022. № 175. С. 81–101.

(*Kukulin I., Maiofis M., Chetverikova M.* Kuluarnye improvizacii: social'naya kooperaciya, obhod pravil i processy kul'turnogo proizvodstva v pozdnem SSSR. Stat'ya vtoraya // Novoe literaturnoe obozrenie. 2022. № 175. P. 81–101.)

Морев Г. Иосиф Бродский. Годы в СССР. Литературная биография. М.: Новое литературное обозрение, 2025.

(*Morev G.* Iosif Brodskij. Gody v SSSR. Literaturnaya biografiya. Moscow, 2025.)

Maurizio M. Between Modernism and the Underground During the Thaw: A Look at «Transitional Poets» // The Oxford Handbook of Soviet Underground Culture. Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 120–140.